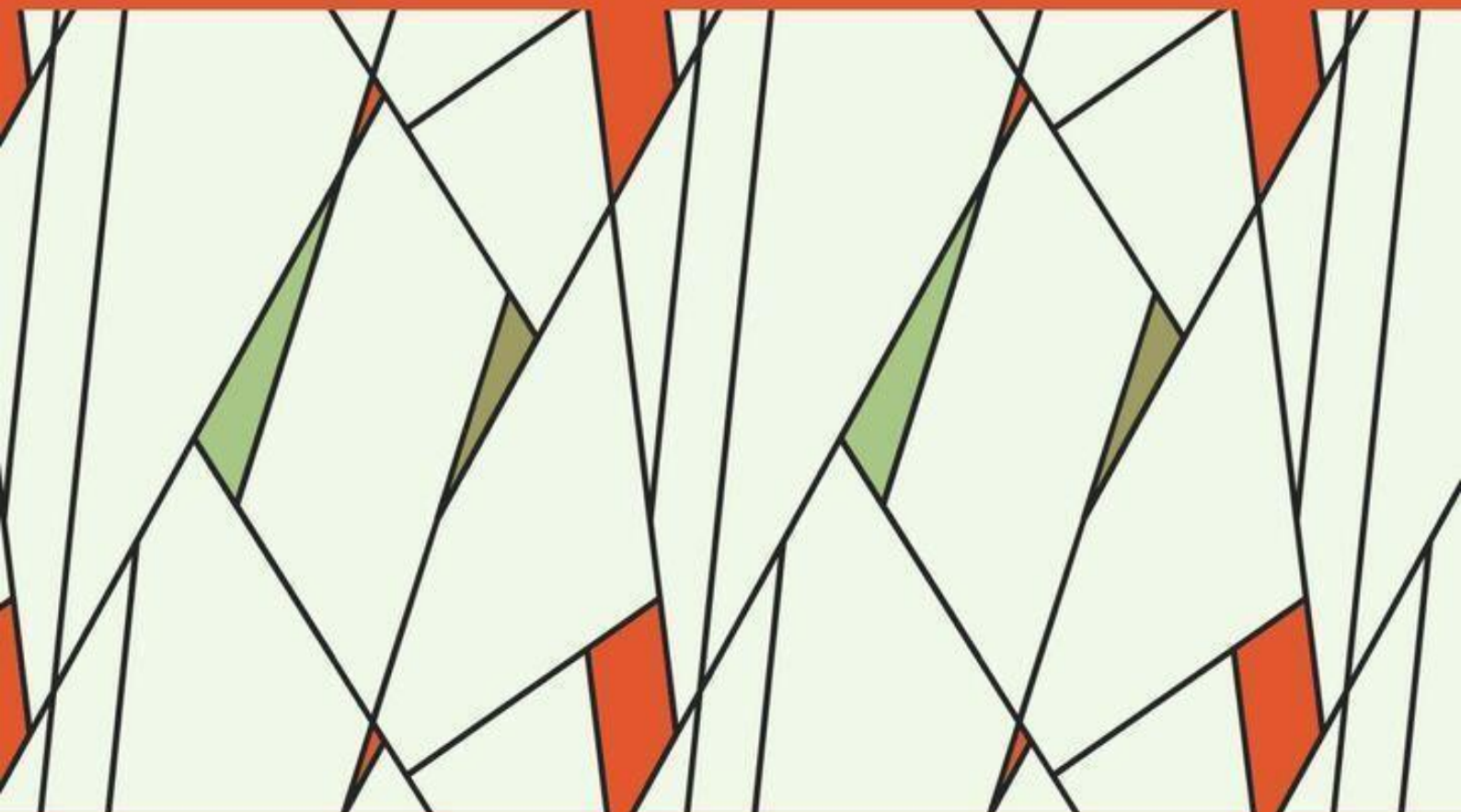

18+

Александр Булдаков

ПУТЬ ПО ЛЕЗВИЮ НОЖА. НАТАЛЬЯ

Александр Булдаков

Путь по лезвию ножа. Наталья

«Издательские решения»

Булдаков А.

Путь по лезвию ножа. Наталья / А. Булдаков — «Издательские решения»,

Она — следователь прокуратуры. Он — опер, идущий по лезвию. Двадцать лет ожидания, тревог и надежды. «Наталья» — это история женщины, которая держит рукоять, когда лезвие грозит порезать всех. Первая любовь и предательство, встреча с человеком, изменившим жизнь, рождение детей, угрозы бандитов и потеря близкого друга. Исповедь той, кто ждёт у окна и верит, что любовь сильнее страха и смерти.

© Булдаков А.

© Издательские решения

Содержание

ПУТЬ ПО ЛЕЗВИЮ НОЖА	6
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Путь по лезвию ножа. Наталья

Александр Булдаков

© Александр Булдаков, 2026

ISBN 978-5-0070-1966-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПУТЬ ПО ЛЕЗВИЮ НОЖА

Книга четвёртая: НАТАЛЬЯ

Посвящается тем, кто держит рукоять, когда лезвие грозит порезать всех. Тем, кто ждёт у окна. Тем, кто верит даже тогда, когда верить уже не во что. Тем, кто любит так, что эта любовь становится сильнее страха, сильнее смерти, сильнее времени.

«Я не боялась пуль. Не боялась бандитов. Не боялась потерять работу, квартиру, друзей. Я боялась одного — что однажды он не вернётся. Что я открою дверь, а за ней будет полицейский в парадной форме. И скажет: «Вам нужно приехать для опознания». И тогда лезвие, по которому он шёл, войдёт в меня. И останется там навсегда. Но пока он возвращается — я живу. Я дышу. Я люблю. И этого достаточно.

Из дневника Н. И. Гордеевой, 2014 год

Пролог. Та, кто ждала

Усолье-Сибирское, декабрь 2014 года.

За окном спальни медленно кружился снег — крупный, пушистый, похожий на сахарную пудру, которой мама когда-то посыпала пироги. Фонари горели жёлтым светом, и их лучи пробивались сквозь заснеженные ветки старой берёзы, росшей прямо под окном. Берёзу эту Наталья посадила сама, когда они только въехали в эту квартиру — маленькую, тесную, двухкомнатную хрущёвку на третьем этаже. Тогда ещё не было ни Кати, ни Серёжи, а Маша была совсем крохой и спала в кроватке у маминой постели. Тогда Лёха возвращался домой каждый день — ещё не было тех страшных дел, которые заберут у неё мужа на годы.

Двенадцать лет спустя она стояла у того же окна, в том же халате — старом, махровом, с выцветшими цветами, который грел не столько телом, сколько памятью. И смотрела на тот же двор — серый, заснеженный, с качелями, на которых летом играют дети, а зимой стоят, вмёрзшие в сугробы, никому не нужные. На часах было одиннадцать вечера.

Муж, Алексей, обещал быть к десяти — не пришёл. Звонила — не взял трубку. Написала смс — не ответил. Гудки шли, но никто не поднимал.

Она не нервовала. Привыкла. Двадцать лет замужем — двадцать лет ожидания у окна. Двадцать лет слушать, как зажигается свет в подъезде, как хлопает дверь, как в замке поворачивается ключ. Она знала этот звук лучше, чем звук собственного голоса — тяжёлый, уверенный шаг на лестничной клетке, пауза перед дверью (он всегда останавливался на секунду, чтобы достать ключи), потом металлический щелчок замка, потом скрип половицы в прихожей — той самой, которую обещали заменить ещё пять лет назад, но всё никак не доходили руки.

«Придёт, — думала Наталья, автоматически поправляя штору — она всегда была немного кривой, и это раздражало её каждую минуту, но Лёха не замечал. — Всегда приходит. Даже когда раненный. Даже когда без сил. Даже когда за ним охотятся. Даже когда...»

Она не закончила мысль. Нельзя заканчивать такие мысли. Как только ты произносишь их вслух или даже додумываешь до конца — они сбываются.

Наталья отошла от окна, подошла к плите. Чайник на газе уже остыл — она забыла его выключить после того, как безуспешно пыталась дозвониться мужу. Снова зажгла огонь, поставила чайник. Вода зашипела, загудела, и этот звук заполнил тишину, поселившуюся в квартире с тех пор, как Катя ушла спать, а Маша закрылась в своей комнате с учебниками по алгебре — завтра контрольная, двойной лист, диаграммы, иксы, игреки.

На столе — ужин, накрытый на двоих. Картофельное пюре с котлетами — Лёха любил котлеты, особенно с луком и чесноком, особенно если пожарить их до хрустящей корочки. Солёные огурцы из погреба — она закатала их сама в августе, вместе с Катей и Машей, стояли втроём на кухне в фартуках, перепачканные укропом и рассолом, смеялись. Чай в заварнике —

чёрный, индийский, с бергамотом, который Лёха привозил из Иркутска, потому что в Усолье такого не купить.

«Остынет, — подумала Наталья. — Всё остынет. И котлеты, и картошка, и чай. И я остыну когда-нибудь. Или нет?»

Она села на стул, положила руки на стол. Рассмотрела свои руки — тонкие, с длинными пальцами. Руки следователя, которые держали пистолет, подписывали обвинительные заключения, застёгивали наручники на запястьях убийц. Руки матери, которые прижимали к груди плачущих детей, расчёсывали волосы после мытья, гладили школьную форму. Руки женщины, которая двадцать лет живёт с человеком, идущим по лезвию.

«Лезвие, — думала Наталья, пропуская слово через себя, как через сито. — Дурацкое слово. Дед Гордеев любил это слово. Муж любит это слово. А я его ненавижу».

Потому что это слово крадёт у меня мужа. Ночью. В выходные. На праздники. На дни рождения. На свадьбы. Похороны. Рождения детей. Это слово крадёт его — и я ничего не могу с этим сделать. Ничего. Только ждать.

Она вспомнила, как в первый год их брака, когда они только поженились, Лёха уехал на три дня в командировку — поймали контрабандистов на трассе. Вернулся в грязи, в крови — не своей, чужой. От него пахло порохом и потом. Она хотела ругаться, кричать, требовать, чтобы он уволился, нашёл работу спокойнее, но, когда открыла рот, вместо слов вырвался всхлип, а потом — слёзы. Лёха обнял её, грязными руками, и прошептал в волосы:

— Прости. Я знаю, что тяжело. Но я не могу иначе.

— Знаю, — ответила она тогда. — Поэтому и плачу.

Тот разговор был первым из сотни. И каждый раз она отвечала одно и то же:

— Знаю.

Телефон завибрировал. Наталья схватила его — чуть не уронила со стола — открыла.

«Еду. Задерживаюсь. Баклан. Не жди. Целую».

Не «люблю». Не «скучаю». Не «ты моя жизнь». «Целую». Одно слово. Сухое, короткое, как выстрел. Но за этим одним словом стояло всё — и любовь, и тоска, и обещание вернуться. Потому что «целую» в их с Лёхой тайном языке означало: «Ты у меня одна. Я думаю о тебе. Я скоро буду».

Наталья выдохнула — так, что заколыхались шторы. Или показалось. Написала в ответ: «Жду. Всегда».

Всегда с большой буквы. Потому что всегда — это больше, чем когда-либо. Это навсегда. Это до конца.

Убрала телефон в карман халата. Встала, убрала ужин в холодильник — аккуратно, котлеты в контейнер, картошку в кастрюльку, хлеб в пакет. Выключила свет на кухне, прошла в спальню, легла поверх одеяла — не раздеваясь. Не спала. Смотрела в потолок, считала трещины. Семнадцать. Восемнадцать. Деятнадцать. На двадцатой уснула.

...Ей снился старый сон. Она в белом платье — не свадебном, нет, свадьба у них была без платья, в загсе, в будний день. В белом летнем, с цветами — ромашками, которые они с Лёхой нарвали в поле накануне. Он в форме, но без кителя — в одной рубашке, с расстёгнутым воротом. Они идут по набережной Ангары, и река шумит, и чайки кричат, и солнце садится за горизонт, окрашивая небо в оранжевый и розовый. Лёха держит её за руку и улыбается — редко он улыбался, редко, но каждый раз, когда это случалось, у Натальи сердце замирало. Как тогда. Как сейчас.

— Ты будешь моей женой? — спрашивает он.

— Уже, — смеётся она.

— Тогда буду любить тебя вечно.

— Вечно — это долго.

— А я умею ждать.

— И я умею.

Она просыпается от звука ключа в замке. Четыре утра. Снег перестал. Фонари погасли — экономят электричество. В прихожей — шаги, тот самый скрип половицы. Потом — тишина. Лёха, видимо, заметил, что она не спит, и замер.

— Я не сплю, — говорит она тихо, чтобы не разбудить детей. — Заходи.

Он входит в спальню в темноте — силуэт, большое тело, усталые плечи. Садится на край кровати, снимает ботинки. Наталья протягивает руку, находит его ладонь — шершавую, с мозолями, холодную.

— Ну что? — спрашивает она, хотя знает ответ. Потому что всегда знает.

— Баклана взяли, — говорит Лёха, не глядя на неё. — Сегодня. Операция. Всё чисто.

— Ты стрелял?

— Нет.

— Врешь.

— Чуть-чуть, — он поворачивается к ней, и в свете уличного фонаря, пробивающегося сквозь шторы, она видит его лицо — усталое, с синяком под глазом, с рассечённой бровью. — Навылет. В плечо. Не убил.

— Знаю, — она проводит пальцами по его лицу — по синяку, по брови, по губам. — Ты бы сказал, если бы убил. Ты всегда говоришь.

— Не всегда, — он перехватывает её руку, прижимает к своей груди. — Иногда молчу. Чтобы тебя не расстраивать.

— Дурак, — шепчет она. — Глупый, упрямый дурак.

— Твой дурак, — он наклоняется и целует её — в губы, долго, нежно, так, как целовал когда-то давно, когда они только начинали и каждый поцелуй был как первый. — Сейчас я твой. Весь. До утра.

— А утром?

— Утром снова на работу, — он ложится рядом, притягивает её к себе. — Но сейчас — спи. Я с тобой.

— Ты говорил, что Баклан — это конец, — шепчет она ему в плечо. — Что после него станет легче.

— Легче не станет, — он гладит её по волосам. — Но я с тобой. И это главное.

— Главное, — соглашается она. — Главное, что ты здесь.

Она засыпает, чувствуя его дыхание на своей щеке. И в последний раз перед сном думает: «Лезвие. Дурацкое слово. Но если лезвие — это он, то я — рукоять. И пока я есть — он не порежется. Никогда».

Часть первая. Та, кто выбрала

Глава 1. Начало

Родилась Наталья Игоревна Власова 15 июня 1978 года в городе Ангарске Иркутской области. День был солнечным, жарким — таким, какие в Сибири бывают раз в пять лет, когда воздух стоит синий от жары, а Ангара блестит, как зеркало. Мать, Людмила Петровна, сказала, что в роддоме было пусто — все отдыхали, лето, отпуска, только она одна и рожала.

— Легко родила, — вспоминала мать. — Часа три. Сразу закричала. Громко. На весь этаж. Я подумала: «С характером».

Отец, Игорь Владимирович Власов, работал следователем прокуратуры. Высокий, сутулый, с вечно нахмуренными бровями и сединой на висках — хотя ему было всего тридцать. Он приехал в роддом вечером, с букетом гвоздик — красных, пахнущих пряностью и бензином. Взял дочку на руки, посмотрел на неё долго, изучающе.

— Следователем будет, — сказал он. — Или прокурором.

— Дай бог, — вздохнула мать.

— Не дай бог, — поправил отец. — Не дай бог, дочка. Не дай бог тебе видеть то, что вижу я.

Он видел многое. Убийства, грабежи, изнасилования, коррупцию — всё, из чего состояла советская прокуратура на закате своей мощи. Он был честным — слишком честным для системы. Не брал взятки, не шёл на компромиссы, не закрывал дела по звонку сверху.

Когда Наталье было семь лет, отец пришёл домой поздно — в полночь, с запахом табака и дешёвого одеколона. Мать уже спала. Наталья не спала — читала книжку под одеялом с фонариком, приключения, кажется, Жюль Верна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.